

Л. Е. Бляхер

ЭТНИЗАЦИЯ И ВТОРИЧНАЯ РУСИФИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА «ИМПЕРСКИХ» ГОРОДОВ Случай Душанбе

Ключевые слова: империя, имперский город, местное сообщество, Таджикистан, Душанбе

**Империя
и имперские
города в СССР:
применимость
термина**

¹ Каспэ [Kaspe]
2007.

² Эйзенштадт
[Eisenstadt] 1999.

³ См., напр. Тилли
[Tilly] 2009.

Этнизация стала важнейшим фактором, задающим направление развития городов на просторах распавшейся империи СССР. Определение СССР как империи отнюдь не подразумевает позитивной или негативной оценки исчезнувшего политического образования и связано исключительно со спецификой его организации. Под империей я понимаю политическую форму, выступающую земным воплощением трансцендентального проекта, в идеале являющегося всемирным¹. «Небесный порядок» воплощала Срединная империя; Pax Romana — империя Римская. Да и более поздние империи несли на себе отпечаток вселенской идеи². С этой точки зрения Советский Союз, позиционировавший себя как прообраз мира после победы мировой революции, был империей. Как и большинство империй, он состоял из весьма разных в этнокультурном и социальном отношении частей, соединение которых мыслилось в рамках всемирного проекта построения коммунизма. В этих условиях этническое своеобразие не осознавалось в качестве препятствия для соединения.

Очевидно, что образованный из частей, существенно различавшихся по своим культурным, социальным и прочим параметрам, Советский Союз, как и иные империи, должен был иметь каркас, который бы скреплял это крайне разнородное пространство. Одним из ключевых элементов этого каркаса была специфическая форма коммуникации, при которой центр выступал универсальным посредником в любых «горизонтальных» переговорах. О значении центра для имперских структур писалось уже неоднократно³. Но трансцендентальные интенции (от Бога, от Небесного порядка, от «объективных законов истории») должны были как-то транслироваться на территорию. Важным механизмом такой трансляции власти на периферию являлись особые типы муниципий — имперские города.

Располагаясь на отчетливо культурно и этнически окрашенных территориях, они были элементами не столько местной структуры, сколько Космополиса, того мирового порядка, который и воплощала империя. Через имперские города властные импульсы из центра

империи доходили до самых отдаленных провинций. Но при всей выделенности из окружающего пространства имперские города создавали для провинции ощущение причастности к общей судьбе Космополиса, зримый образ Империи, служили средством обратной связи между периферией и центром. Конечно, облик имперского города определялся прежде всего его приобщенностью к Космополису. Однако, существуя во вполне реальном этнически окрашенном локале, он обретал своеобразие, связанное с самим локалом.

Как следствие, специфика каждого имперского города (и его судьба после распада империи) обуславливалась той ролью, которую он и империя в целом играли применительно к местному сообществу. Эта специфика предопределяла и особенности самого города, и его функцию по отношению к местному сообществу, и характер этнизации, протекающей в постимперский период.

Под этнизацией в данной работе я понимаю обретение городами, не имевшими ранее выраженной этнической специфики, черт, связанных с освоением городского пространства господствующим этносом. Этот процесс в большей или меньшей степени характерен для всех бывших союзных республик СССР. И наиболее полно он проявляется в особом типе муниципий — имперских городах.

В отличие от своих исторических прототипов, имперских городов Священной Римской империи⁴, имперские города СССР не наделялись какими-то дополнительными свободами, но обладали особой структурой и функциями по отношению к территории, на которой располагались. Порой это оформлялось в особом правовом статусе⁵.

Разумеется, имперский город был в первую очередь проводником интересов империи, в нашем случае СССР, на данной территории. Это — военный форпост или политический центр власти, достаточно четко отграниченный от окружающего пространства. Формы отграничения различались. Это мог быть особый пропускной режим, как в Севастополе или Владивостоке, прописка и т.п. Однако главным отграничителем был иной (имперский) уклад жизни, резко и зримо отличавший жителей имперского города от населения окружающей его территории. В наибольшей степени это относилось к новым или заново построенным имперским городам — столицам союзных республик. В старых городах-столицах (Рига, Тбилиси и др.) имперских элементов, как правило, было меньше и традиционный, хотя и сложившийся во время пребывания в составе Российской империи облик сохранялся. Как и уклад жизни.

Имперским городом с особым статусом, бесспорно, была и Москва. Но развертывавшиеся здесь процессы гораздо сложнее и требуют специального рассмотрения.

В рамках же рассматриваемой ситуации выделенность имела и социокультурное измерение, сраставшееся с политическим. Население имперских городов формировалось за счет массовых перемещений жителей одних регионов в другие. На новое место жительства прибывали

⁴ Гусарова
[Gusarova] (ред.)
2011.

⁵ Федоров [Fedorov]
1999.

советские и хозяйственные руководители, врачи, учителя, инженеры, квалифицированные рабочие и многие другие. В ходе таких перемещений в едином социальном пространстве оказывались носители самых разных этнокультурных традиций и языков. Вполне понятно, что для публичной коммуникации здесь использовался «язык межнационального общения» — русский.

Задаваемые общесоюзными принципами градостроительства формы жизни в основном воспроизводили официальные доктрины, хотя и с местной спецификой. Этнические особенности жителей имперских городов ослабевали уже во втором поколении. Согласно воспоминаниям, даже если старшее поколение говорило на русском языке как на чужом и выученном, то следующее было уже двуязычным, а для третьего родным нередко становился уже русский язык.

Возникал некий целостный облик города — части империи СССР и Космополиса «Все прогрессивное человечество». Его население более всего соответствовало доктрине о новой исторической общности — советском народе. При этом с точки зрения и самих жителей, и окружающего сообщества (особенно в национальных республиках) имперские города были прежде всего русскими. В этом качестве они входили в структуру территориального социума, становились его элементом, хотя и относительно автономным, выделенным. Но, оставаясь выделенным элементом, имперский город неизбежно вступал в коммуникацию с окружающим его пространством и не только воздействовал на него, но и сам испытывал воздействие с его стороны, пусть даже до времени неяркое, слабое.

С распадом СССР и образованием новых независимых государств ситуация начинает меняться. Имперские города, форпосты и региональные столицы обживаются и осваиваются местным населением⁶. Претерпевает изменения структура городского пространства, сама семантика города и его элементов. Однако скорость и характер этого процесса зависят от многих факторов. Один из них связан с функцией, которая приписывалась исчезнувшей империи местным сообществом, и значимостью такой функции⁷. Влиянию данного фактора на процесс этнизации в одном из имперских городов, Душанбе, и посвящена эта статья.

Материалом для настоящего исследования послужили включенное наблюдение, проведенное автором в 2015 г., сравнение этого наблюдения с опытом жителя города в 1965—1991 гг. (метод автоэтнографического описания) и серия неформализованных (биографических) интервью, собранных в феврале-марте текущего года. В качестве дополнительного материала использовались статистические данные, приводимые на официальных сайтах г. Душанбе⁸ и Государственного комитета статистики Республики Таджикистан⁹, а также данные всесоюзных и республиканских переписей населения¹⁰.

Но прежде чем приступить к описанию процессов этнизации городского пространства Душанбе в XXI столетии, необходимо просле-

⁶ Woodworth 2006.

⁷ Дятлов [Djatlov] 2012.

⁸ <http://www.dushanbe.tj/ru/>.

⁹ <http://www.stat.tj/>.

¹⁰ <http://demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php>.

дить, как формировался этносоциальный (точнее — имперский) облик города, возникшего из трех кишлаков, где, вопреки общей для мусульманского мира традиции, базарный день приходился не на пятницу, а на понедельник (по-таджикски — душанбе). Заслуживает внимания и специфика становления самой Таджикской ССР, возникшей в ходе реализации советского (имперского) проекта по территориальному размежеванию в Туркестане.

**Душанбе — взгляд
из прошлого**

Восточную Бухару, территории которой и составили основу советского Таджикистана, трудно назвать моноэтническим образованием, как и политическим образованием в принципе. Это скорее географический термин, обозначающий горную часть Бухары в отличие от относительно равнинной западной части. Здесь жили различные тюркские и таджикские этносы, самоопределявшиеся в рамках территориальных сообществ и политических структур (бекств). Отношения между ними не были идиллическими, но имелось пространство для переговоров — Священная Бухара, эмирский двор¹¹. Там, при дворе, определялся баланс сил, велись переговоры между представителями территориальных элит.

¹¹ *Аранов [Arapov] 1981.*

Космополитический характер города в пространстве мусульманского мира (Бухара — «Садик Вселенной»), а позднее в пространстве Российской империи делал его «ничьим», местом встречи, где возможны переговоры и соглашения. Сама же необходимость переговоров обуславливалась следующим обстоятельством.

В рамках Бухарского ханства (позже эмирата) существовала достаточно сложная иерархия племен и территориальных общин, их функциональное распределение¹². Как правило, оседлые общины (таджики и «старые тюрки») занимались земледелием, торговлей, ремеслами. Но сложные условия Центральной Азии требовали объединения усилий племен и групп. Только так можно было организовать ирригацию в междуречье Сырдарьи и Амударьи. Элиты таких объединений и возглавляли хозяйственную деятельность. Кочевники («новые тюрки») составляли политический класс. Они воевали и защищали, регулировали хозяйственные споры, обеспечивали безопасность торговли и основы благочестия. Договаривались же они в Бухаре (на «нейтральной» земле).

¹² *Бушков [Bushkov] 1991.*

В условиях рискованного земледелия и недостатка земли даже незначительные потрясения вызывали длительные войны и голод. Комплексное хозяйство жителей Бухары несколько снижало риски, но далеко не полностью. Дополнительным источником ресурсов была торговля. До начала Нового времени торговля шла по Великому шелковому пути, важнейшим элементом которого были центральноазиатские города. Перенесение торговых путей на океаны низвело регион до уровня глухой провинции. В этом плане вхождение в состав Российской империи открывало перед Туркестаном и Бухарой возможность выхода к новым торговым путям. Вместе с тем такое вхождение привело к появлению

монокультуры — хлопка, что еще больше усилило дефицит земли для самообеспечения. В подобной ситуации использование механизма переговоров и соглашений было способом избежать «решения проблем» силовыми методами (что, впрочем, тоже было не редкостью). Попытка советского правительства, опираясь на своих немногочисленных сторонников, ввести нормы «новой жизни» в Бухарском эмирате нарушила сложившийся баланс сил. Началась война. Как и много позже в Афганистане, объединяющим фактором выступала ненависть к шурави (советским). Басмаческое движение, носившее до середины 1920-х годов поистине всенародный характер, и породило потребность в имперских городах, которые бы удерживали под контролем беспокойные провинции.

Но с выделением Восточной Бухары в 1924—1929 гг. в отдельное политическое образование (Таджикскую АССР в составе Узбекской ССР, а затем Таджикскую ССР) возникла необходимость не только в новом форпосте, способном держать в подчинении территорию, но и в новой же «ничей» (с точки зрения местного сообщества) земле — пространстве, которое бы, с одной стороны, проводило интересы империи, а с другой, было местом, где могли договариваться территориальные элиты. Тем более что у самих элит появилась новая, крайне важная функция — перекачка ресурсов из союзной и республиканской экономики в традиционное хозяйство, поддержание жизнеспособности территориальных общин. Затухание к середине 1920-х и прекращение к началу 1930-х годов боевых действий в Таджикистане, внедрение основ здравоохранения и преодоление эпидемий привели к демографическому росту, перешедшему в 1960-е годы в демографический взрыв. Здесь наличие имперского города — проводника интересов империи оказалось крайне важным именно для местного мира.

В условиях разрушения комплексного хозяйства и автаркии поддержание внутреннего мира требовало все новых и новых ресурсов, предоставить которые могла только Москва. Функцию же «ничей земли», где складывалась иерархия общин, где велись переговоры, где ресурсы на «развитие социалистической экономики Таджикской ССР» перенаправлялись на нужды «настоящей жизни», традиционного уклада общины, взял на себя Душанбе. Город стал тем «другим», который позволял структурировать окружающее пространство. На специфике этой имперской оболочки, внутри которой жило и развивалось качественно иное общество, имеет смысл остановиться подробнее.

Город Душанбе — столица Таджикской ССР и современной Республики Таджикистан — возникает из группы кишлаков в 1924 г., а типичные черты столицы азиатской союзной республики обретает в 40—60-х годах XX в.

При том что «восточные мотивы» в облике Душанбе присутствовали постоянно, в архитектурном плане его застройка была типично «сталинской»¹³. Широкие центральные улицы, дома с колоннами и арками, парки с «политически правильной» парковой скульптурой,

¹³ Иващенко [Ivashenko] 2012.

¹⁴ Шарипов
[Sharipov] 1983.

воспевающей человека труда, и т.д. Постепенно Душанбе обзаводится и необходимыми для столицы внешними атрибутами: помпезными зданиями ЦК партии и Совмина, базовыми вузами и театрами, библиотеками и НИИ, больницами и универсамами. Центр города, как и большинства других республиканских столиц, особенно новых, становится «национальным по форме и социалистическим по содержанию»¹⁴.

В пространстве города имелись этнические анклав, однако располагались они в основном на окраинах и в пригородах. Так, автор этих строк жил (с 1965 по 1982 г.) в районе, который назывался «немецким поселком» и был заселен, во всяком случае до середины 1970-х годов, преимущественно поволжскими немцами, высланными в годы войны. Рядом с ним располагался «корейский поселок», возникший в сходных обстоятельствах в первые послевоенные годы. Существовали районы компактного проживания осетин, чеченцев и других народов, депортированных в сталинский период.

Собственно представители титульной нации присутствовали в городе в двух качественно различающихся статусах: руководство, необходимое национальной республике, и новые переселенцы. Первое было в значительной мере русифицировано, вторые подлежали русификации. Конечно, имперский город и его таджикское окружение взаимодействовали между собой, но до середины 1960-х годов процесс этот развивался довольно медленно. Население города росло главным образом за счет внешних по отношению к республике переселенцев, в большинстве своем русскоязычных. Местные жители, попадая в город, оказывались в русскоязычной среде и вынуждены были приспосабливаться к ней, усваивать «цивилизованные», «культурные» (i.e. имперские) формы быта, русский язык. Важно и то, что русский язык не номинально, а фактически выступал в качестве языка-посредника. Он позволял местным элитам создавать ту защитную оболочку, которая предохраняла «тело» местного сообщества, образованного посредством сложнейшего и тончайшего механизма межэлитных договоров, от внешнего воздействия. Ведь руководство республики составляли выходцы из конкретных групп и кланов конкретных областей. Здесь они выстраивали свою иерархию, не видимую, не осознаваемую имперской властью, да и не интересную ей. Империю заботит лишь спокойствие в провинции и лояльность элиты. Ей нужно, чтобы все внутренние (местные, локальные) особенности были скрыты имперской оболочкой. Реализацию этих функций и обеспечивал Душанбе. В его лице империя получала город, транслировавший властный импульс в провинцию, а та, со своей стороны, обретала место, где элиты могли договариваться друг с другом и с самой империей.

Примерно с 1970-х годов ситуация начинает меняться.

Взрывообразный рост города в 1960—1980-е годы усложнил структуру городского пространства. К «старому городу», вполне сложившемуся к началу 1960-х годов, добавились пригородные поселки, сохранявшие формы социальной организации, присущие традиционной об-

щине, районы «хрущевской» и «раннебрежневской» застройки, а затем, в конце 1970-х и в 1980-е годы, «новые микрорайоны». Эти четыре подпространства различались и в культурном, и в этническом отношении.

В «старом городе» до распада СССР преобладало русскоязычное население. Вместе с тем немалую часть его жителей составляла таджикская партийная и хозяйственная элита. Ее представители, как правило, получали образование в лучших вузах республики и страны на русском языке и активно использовали его в публичной коммуникации. Для таджикского языка, кроме домашнего общения, отводилась особая и довольно четко зафиксированная сфера «национальных особенностей». Доминирование русского языка и имперской культуры было ощутимым. Существовали таджикские школы (с обучением на таджикском языке), но учить детей предпочитали в «русских», причем безотносительно к этнической принадлежности родителей. Выходили газеты и журналы на таджикском языке, но тираж их примерно в 2–3 раза уступал «русским» изданиям. Хорошие переводчики с таджикского на русский пользовались громадным спросом у многочисленных таджикских поэтов. Собственно таджикское население предпочитало классические образцы таджикско-персидской словесности.

В свою очередь в бывших пригородных поселках преобладали, хотя до конца 1970-х годов и не абсолютно, таджикское население и таджикский язык. Русскоязычные жители окраин, в ту пору довольно многочисленные¹⁵, обычно владели зачатками таджикского языка и охотно перенимали у «местных» формы обустройства жилища и организации быта, кулинарные традиции и т.д. Именно тут сложился своеобразный *pidgin english*, который и был языком общения горожан с «кишлачными».

Население городских районов, возникших в 1960-е годы («хрущевская» и «раннебрежневская» застройка), тоже было преимущественно русскоязычным. Там селились рабочие и ИТР активно возводившихся в тот период промышленных предприятий («Таджиккабель», «Ремстройдормаш», «Масложиркомбинат», цементный завод и др.), врачи, учителя и иные агенты строительства «социалистического образа жизни». Эти люди в большинстве своем не были местными. Они прибывали из России и других советских республик, но в отличие от прежних времен уже не в телячьих вагонах или вагонзаках, а по комсомольской путевке, по распределению, да и по собственному желанию. Не случайно такой популярной в те годы была песня Александра Ленского со словами: «Хорошо в Таджикистане, // Приезжайте, друзья, погостить. // А понравится вам в нашем крае, // Оставайтесь работать и жить».

Вполне понятно, что в социальном отношении эти районы радикально отличались от «русских» районов «старого города». Здесь проживали не «сливки», а «снятое молоко». Именно в этих районах более всего укоренились советские, то есть в местном представлении «русские», формы быта, кулинарные традиции и способы общежития. Здесь почти не строились таджикские школы, крайне редко звучала таджикская речь.

¹⁵ Антоненко
[Antonenko] (ред.)
1983.

Наиболее смешанными были новые микрорайоны, возникшие в конце 1970-х и в 1980-е годы, где бок о бок жили русские (русскоязычные) и таджики, причем среди последних были представлены выходцы из самых разных регионов республики. «Русская» застройка здесь начала этнизироваться еще до распада СССР. Во дворах многоэтажек возводились национальные печи — тондыры, устраивались отгороженные жителями нижних этажей личные сады с топчанами и т.д. В этих районах наблюдался определенный паритет между имперским и таджикским элементом. Кстати, именно там чаще всего возникали конфликты на этнической и племенной почве, а сами районы имели в городе нехорошую репутацию. Истоки такого развития событий более или менее ясны. Попадание в «чужой» мир означало для выходцев из разных областей, групп и кланов не только необходимость осваивать нормы этого мира, но и шанс на относительно бесконфликтную коммуникацию. Ведь возможности жить среди «своих» у них просто не было. По мере увеличения числа «пришлых» такая возможность возникла — и рядом со «своими» сразу же обнаружились «чужие». При этом сокращавшееся пространство «русского города» уже не всегда могло развести конфликтующие силы. И конфликты начали прорываться наружу.

Развертывавшиеся в новых микрорайонах процессы отчасти отражали и общие сдвиги в этническом составе республиканской столицы. До конца 1970-х годов среди жителей города преобладали русские и русскоязычные, причем еще в середине десятилетия это преобладание было абсолютным. Доля русских и русскоязычных в населении Душанбе превышала 60%. Как уже говорилось, вливаясь в число горожан, представители титульного этноса вынуждены были осваивать «русские» (i.e. городские) формы быта, русский язык. Таджикский язык вытеснялся в приватную сферу, а приверженность национальным формам организации жизни воспринималась как свидетельство недостаточной «культурности».

Тем не менее доля таджиков как этнической группы в населении города неуклонно возрастала, увеличившись с 18,7% в 1959 г. до 38,2% в 1989-м. В свою очередь доля русских снизилась с 47,8% до 32,9%. Причина проста. Наиболее мощный демографический рост в республике отмечался именно в сельских районах. На одну женщину детородного возраста там приходилось до шести детей, тогда как в городе этот показатель был почти в два раза ниже. При этом шло засоление почвы, площади, занятые под сельскохозяйственные нужды, постепенно сокращались. Село постоянно выбрасывало из себя «лишнее» население. Попытка остановить этот процесс путем возведения в сельских районах промышленных гигантов (алюминиевого и азотно-тукового заводов, ГЭС и т.д.) не увенчалась успехом, ибо потребность вновь построенных индустриальных предприятий в рабочей силе удовлетворялась не столько путем привлечения местных жителей, сколько через завоз персонала из других регионов и республик СССР. Переезд же в Душанбе автоматически повышал статус человека, особенно при наличии у него

родственных связей, позволявших ему устроиться в наиболее престижные сферы (на государственную службу, в правоохранительные структуры, торговлю). Но и тех, у кого таких связей не было, проживание в столице наделяло более высоким статусом. В итоге рост населения города в тот период стал обеспечиваться именно за счет выходцев из кишлаков.

Естественно, что столь заметное увеличение носителей иной по отношению к горожанам культуры не могло не сказаться на городском сообществе в целом. Уже к 1980-м годам процесс этнизации окраин Душанбе приобретает четко выраженный характер, и таджикский язык начинает отвоевывать себе место в публичном пространстве. Идет постепенное освоение местным населением центра города, причем освоение это уже носит характер не «национального по форме», а просто этнического. Возникает своеобразный культурный дуализм, когда две культуры сосуществуют в одном социальном пространстве, старательно не замечая друг друга. Имперская (русская) культура представлена в рабочих районах и на бульварах, в театрах и библиотеках. Таджикская — на рынках и в высоких кабинетах, в ресторанах (чайханах) и «советской торговле». Все меньше остается «ничьей» земли, где можно договориться. При этом внешняя форма имперского города, как и его «русская» оболочка, сохраняются.

Но меняется его суть. Местное сообщество с его внутренней конфликтностью окутывает все более сужающуюся имперскую сферу, начинает конкурировать с ней за лидерство. Тем не менее город осмысливается округой и мыслит себя именно как русский. Сама же русскость воспринимается как условие модернизации, прорыва в современность и т.д., причем для всего Таджикистана¹⁶.

¹⁶ Вишневецкий [Vishnevsky] 1996.

Душанбе был не только имперским фасадом республики. Как уже отмечалось, он выполнял и чрезвычайно важную функцию во внутренней структуре республиканского сообщества, выступая в роли не принадлежавшего никому пространства-посредника, где местные элиты могли вести переговоры и выстраивать свои отношения с империей. Но не менее важную функцию выполняли и его жители — русскоязычные проводники имперской политики. В расстановке социальных сил в республике они представляли собой своего рода «ничье племя», неизбежно вступающее в союз с победителем.

В условиях, когда ни одно территориальное объединение не могло получить безусловного превосходства и силы были примерно равны, только этот союз обеспечивал управляемость. Империя, как ей и положено, гарантировала политический мир в своей провинции.

Структура этого союза отличалась немалым своеобразием. Непременным элементом социального пространства имперского города были представители территориальных (региональных, племенных и т.д.) элит. Они русифицировались, получали соответствующее образование, занимали те или иные руководящие посты. В этом качестве они выстраивали взаимодействие с «русским» окружением и с империей за пределами республики. Но при этом они оставались членами некоего терри-

ториального объединения, некоего местного сообщества. Более того, именно они и возглавляли его de facto. Соответственно, в пользу данного сообщества и перераспределялась подавляющая часть ресурсов, выделяемых империей. Именно члены этого сообщества активнее всего осваивали имперский город и его иерархию. Но рядом с ними продолжал существовать город «простых советских людей», представителей «новой исторической общности». Он включал их в себя, через них вступая в союз с победителями. Большую часть советской эпохи таким объединением-лидером были «северяне», жители Ходжента (Ленинабада).

Впрочем, их лидерство было не абсолютным. Свои сферы влияния в имперском городе имелись и у других объединений. Так, силовые структуры заполнялись главным образом выходцами из Кулябской области (южная часть Таджикистана). Торговлю контролировали жители центральных районов республики (гиссарцы). Значительную часть творческих профессий «приватизировали» памирцы (выходцы из Горно-Бадахшанской АО). Однако держателями основного ресурса (ключевых партийных и хозяйственных постов) были именно победители. Поскольку же их формальный статус был напрямую связан со статусом имперского города, то они стягивали к себе и его «русскую» часть. Возникали устойчивые формы внутренней коммуникации, образующие структуру имперского города.

Сокращение притока в Таджикскую ССР направлявшихся из центра ресурсов нарушило сложившийся порядок. Того, что поступало в республику, уже не хватало на поддержание мира. Перераспределение средств из легальной экономики в настоящую, долгое время воспринимавшееся как местная нерасторопность или бесхозяйственность, стало видимым¹⁷. Элиты напряженно искали дополнительные ресурсы. Одним из направлений поиска было увеличение количества должностей, которые могли бы занять выходцы из местных сообществ.

В описанной ситуации исчезновение империи привело к катастрофе¹⁸. Лишившись пространства-посредника, территориальные объединения вступили в прямое силовое столкновение. Показательно, что борьба велась прежде всего за господство над Душанбе. Боевые действия между «своими» повлекли за собой массовый отток русскоязычных жителей. Такое развитие событий и дало толчок процессам окончательного освоения города местным этническим элементом. Однако, как ни парадоксально, параллельно им развернулся процесс «вторичной русификации», реинкарнации имперского города.

¹⁷ Сходным образом обстояло дело и в других среднеазиатских республиках СССР, что нашло отражение, в частности, в знаменитом «узбекском деле», которое расследовали Тельман Гдлян и Николай Иванов.

¹⁸ Бляхер, Салимов [Blyakher, Salimov] 2008.

**Душанбе сегодня:
этнизация vs.
русификация**

За постсоветские годы, включившие в себя и трагедию гражданской войны, этнический состав города изменился радикально. Уже принятие в 1989 г. закона о государственном языке и переводе делопроизводства на таджикский вызвало отток русскоязычного населения. Погромы в Душанбе в феврале 1990 г. и последующее вооруженное противостояние превратили этот отток в бегство. По мере того как прежде

население покидало город, его заселяли представители титульного этноса. Как следствие, доля этнических таджиков в составе жителей Душанбе увеличилась до 84,4%, а доля русских и русскоязычных упала до 6,2% (чуть более 40 тыс. в почти 700-тысячном городе). Казалось бы, перед нами вполне гомогенный в этнокультурном отношении город, и процесс этнизации в нем должен идти к своему логическому завершению. Собственно говоря, именно в этом и заключалась моя предварительная гипотеза.

Для ее проверки в феврале-марте 2015 г. мною было проведено эмпирическое исследование в форме включенного наблюдения и серии из девяти биографических интервью с жителями Душанбе. В число респондентов входили работники СМИ, преподаватели Таджикского национального университета и Таджикско-Российского (Славянского) университета, предприниматель и государственный служащий. Восемь из девяти респондентов были этническими таджиками, один — русским, но родившимся и выросшим в Душанбе. Интервью носили характер свободной беседы; задача состояла лишь в том, чтобы отразить все темы, выделенные в путеводителе. Сам путеводитель строился на основе изучения статистических данных, журналистских статей о современном Таджикистане и других вторичных материалов.

Первое впечатление от знакомства с современным Душанбе вроде бы подтверждало предположение о том, что этнизация городского пространства стремительно нарастает. Внешние изменения в облике города, в том числе в плане этнизации, значительны. Переименованы улицы. Советских лидеров в их названиях сменили деятели персидско-таджикского периода. Проспект Ленина стал проспектом Рудаки, площадь Ленина — площадью Исмаила Самани. Множество переименований на окраинах города. Идеология великого прошлого, виртуальной империи, в качестве наследника которой позиционирует себя нынешний Таджикистан, зримо присутствует. Причина прозрачна. Для того чтобы застраховать себя от возможного повторения кошмара гражданской войны, нужно на какой-то основе объединить племена и кланы. В качестве такой основы и должна выступать исчезнувшая «империя таджиков».

Но, по утверждению информантов, в обиходе жители отдают предпочтение старым названиям. Более того, их использование является своеобразным городским шиком, знаком принадлежности к избранному сословию. Новые строения, в изобилии появившиеся в центре города и призванные символизировать империю Саманидов (президентский дворец, национальный музей, библиотека и т.д.), оказываются еще менее «национальными по форме», чем здания старого Душанбе. По стилю они скорее следуют в фарватере новой московской архитектуры, что вполне логично для имперского города, но не особенно логично для столицы национального государства.

Вопреки ожиданиям, роль русского языка и русской культуры (точнее, культуры прежнего, русскоязычного населения Таджикской

ССР) по-прежнему значительна. Жители в большинстве своем владеют русским языком, активно используют его в повседневной коммуникации. Двуязычие служит своего рода показателем «городского» уровня образования. Русский остается языком науки и техники, ведущим языком СМИ, языком супермаркетов, кофеен и т.д. На таджикский (судя по наблюдениям) жители переходят при обсуждении религиозных, семейных и некоторых бытовых проблем, а также проблем «своей» территории.

В городе повсеместно встречаются вывески на русском языке. В чайханах подают европейские столовые приборы, чего не было за пределами центра города и в советские годы. Во многих случаях плату за товары и услуги охотно принимают в российских рублях.

При том что многие женщины носят хиджаб, национальная одежда, особенно у мужской части горожан, встречается эпизодически. Предпочтение отдается «русской» одежде. Попытки перейти в ходе беседы на английский, а не на русский язык встречали непонимание. Этим, кстати, один из респондентов объяснил привлекательность России для таджикских трудовых мигрантов.

«Наши пробовали ездить в Эмираты, в Саудовскую Аравию. Но там нужен или арабский, или английский. Индусы или марокканцы таджиков по этому признаку сразу вытесняют. Вот русский язык у нас до сих пор как-то знают. Поэтому в России проще устроиться. Мы понимаем все проблемы. Но другие направления пока не выходят» (женщина, 36 лет, преподаватель, образование высшее).

Данный мотив присутствовал и в других интервью — правда, приобретая политико-идеологическую окраску. Большая часть респондентов отмечала, что политически и культурно они ориентированы на Россию. Говорили о том, что именно русская культура воспринимается в Таджикистане как квинтэссенция европейской, что именно с ней связывают цивилизованность и просвещенность.

«Сегодня не так часто встретишь человека, с которым можно вот так культурно и цивилизованно поговорить на русском языке. Очень много кишлачных появилось в последнее время. Но они тоже учатся. Сам город учит» (мужчина, 43 года, преподаватель, образование высшее).

На распространенность в городе русского языка и прежних названий указывали почти все респонденты (что полностью отвечало и моим личным наблюдениям).

«Новые названия часто только в государственных документах используют. Люди чаще называют как раньше: „Зеленый базар“, „Проспект Правды“. Иногда сначала новое название скажут, а потом старое, чтобы было понятно, о чем говорят» (мужчина, 36 лет, предприниматель, образование высшее).

Тем болезненнее воспринимается нежелание современной российской политической элиты «учитывать интересы Таджикистана», «видеть в нас равных партнеров». Эти настроения в том или ином

виде присутствуют во всех интервью. Обида на Россию и вместе с тем постоянные заверения в дружбе с Россией и русскими являются лейт-мотивом и в СМИ Таджикистана.

В интервью отмечалось, что *«руководство республики полностью поддерживает ориентацию на Россию»*, *«видит в России основу стабильности ситуации в Таджикистане»*. Примечательно, что подобной позиции придерживался и респондент, чьи бизнес-интересы целиком связаны с Китаем. *«Я опасаюсь, — заявил он, — что китайцы вытеснят все русское, тогда будет сложно»*. На просьбу конкретизировать опасения последовал ответ:

«Китайцы наших особенностей не знают. Они деньги делают. Выжмут все соки и уйдут. А нам здесь жить» (мужчина, 36 лет, предприниматель, образование высшее).

В действительности ситуация, конечно, несколько сложнее. Инвестиции в экономику Таджикистана со стороны КНР есть. Они видны в том числе и в новых домах и дорогах, построенных китайцами. Однако их объем несопоставим с двумя основными статьями дохода населения страны: афганским наркотрафиком и переводами гастарбайтеров. Соответственно, разрыв с Россией может привести к резкому снижению и без того не особенно высокого уровня жизни в Таджикистане. Есть и личные опасения, связанные с тем, что сегодня именно русифицированные жители обладают преимуществом, занимают господствующие позиции. Смена геополитических координат может стоить им положения. Этот мотив тоже проявлялся в интервью.

Один из респондентов первоначально попросил вести беседу на таджикском языке, но вскоре сам перешел на русский. По его мнению, *«для Таджикистана Россия занимает особое место. Это не просто одна из дружественных стран. Для нас — это гарант стабильности в республике»* (мужчина, 49 лет, государственный служащий, образование высшее).

При этом территориальное противостояние, несколько сглаженное страхом перед повторением гражданской войны, сохраняется. Все респонденты признавали, что первичной для них является областная идентификация.

«Я — канибадамец (город в северной части Таджикистана — Л.Б.), а уже потом таджик. Точнее сказать, мы, северяне, и есть таджики. В южных очень много тюркской крови. Даже фамилии у них тюркские. А сегодня они нам навязывают эти фамилии как самые таджикские. Смешно же» (мужчина, 46 лет, работник СМИ, образование высшее).

Сходные мотивы (с иной территориальной привязкой) присутствовали и в остальных интервью.

«Кулябцы всегда были основой таджикской нации. И всегда северяне, узбеки, которые прикинулись таджиками, нас оттесняли. Сегодня наступило наше время. Хотя мы всем стараемся дать жить» (мужчина, 47 лет, преподаватель, образование высшее).

Три основные этнические группы — южане, северяне, памирцы — дробятся на множество более мелких племенных объединений. И все они находятся между собой в крайне сложных отношениях. История их взаимодействия — это история более или менее постоянного противостояния. Уже в 70-е годы XX в. это противостояние выливалось в массовые побоища в еще имперском городе. Оно же вылилось в длительную и кровопролитную гражданскую войну при изменении баланса сил, вызванном уходом «русских»¹⁹. Подобные войны, как правило, продолжительны и прекращаются только после установления нового баланса²⁰. Одним из наиболее эффективных способов добиться этого и является включение в империю. Собственно говоря, именно с идеей выстраивания виртуальной империи и пришел к власти «президент компромисса» Эмомали Рахмон, когда у общества уже не осталось сил для продолжения противостояния. Но идентифицироваться с империей, исчезнувшей более тысячи лет назад, довольно трудно. Гораздо проще идентифицироваться с той, что еще жива в сознании большей части населения республики, то есть с СССР.

¹⁹ Бушков, Миккульский [Bushkov, Mikul'sky] 1995.

²⁰ *Весьма показателен в этом плане пример Афганистана.*

По сути, в современном Таджикистане установилось определенное равновесие локальных объединений, при котором правящая область не обладает подавляющим превосходством над другими. Наличие же международно признанного политического целого вынуждает их контактировать между собой.

В сходных условиях межклановое противостояние, проявлявшееся в 1970-е годы в виде массовых драк между представителями различных областей, переросло во внутритаджикскую войну. Для поддержания мира господствующему клану нужен союзник. Но не просто союзник. Нужна империя, в пространстве которой можно было бы идентифицироваться²¹, империя, которая, как некогда СССР, выступала бы источником дополнительных ресурсов, перетекающих в Таджикистан. СССР уже давно нет. Однако империя — особое политическое образование. Она в гораздо большей степени существует в сознании людей, чем на карте мира. И в этом смысле СССР жив. С ним идентифицируются, от него отталкиваются. СССР и воссоздается в столице независимой республики Таджикистан. Создается из подручных материалов и «советский народ».

²¹ См. Бляхер [Blyakher] 2008.

Поскольку русские как таковые уехали, перестав быть значимой силой, формируется слой «таджикских русских» (этнических таджиков, воспринявших русский язык и культуру). Они и составляют основу населения Душанбе. Благодаря своей «русскости» они могут подняться над локальной идентичностью, тем самым позволяя сохраняться общему балансу сил в республике. Идентификация в рамках «русского» города Душанбе с его изначальной вырванностью из местных территориальных общностей становится одним из немногих вариантов таджикской политической идентификации, способной послужить базой для формирования политической нации. И город вновь обретает функцию пространства, где возможен контакт, возможно соглашение.

Крайне показательно в этом плане одно из зданий, построенных в «национальной деревне» на окраине Душанбе, представляющее собой своеобразный музей таджикской культуры под открытым небом. К центральной, вполне европейской части примыкают галереи, каждая из которых покрыта орнаментом, характерным для одной из областей республики. Своего рода павильон «Дружбы народов», в центре которого находится принципиально чужеродная конструкция — конструкция форпоста исчезнувшей, но живой империи.

Понятно, что эта «русскость» особая, таджикская, в значительной мере имитационная, и клановые социальные практики все сильнее размывают ее. Так, рассказывая об истоках карьерного роста одного из руководителей республики, информант отметил, что он «*кулябец* (представитель правящей территориальной общины — Л.Б.), *кроме того, очень правильно выдал дочь замуж*».

Тем не менее на фоне практически полного исчезновения русских как этнической группы, да и русскоязычных, не принадлежащих к титульному этносу, русские как функция продолжают сохраняться. А с ними сохраняется и осознаваемая «русскость» (точнее, «советскость», «имперскость») городского пространства Душанбе.

Библиография

Антоненко Б.А. (ред.) 1983. *История Таджикской ССР*. — Душанбе [Antonenko V.A. (ed.) 1983. *Istoriya Tadzhijskoj SSR*. — Dushanbe].

Арапов Д.Ю. 1981. *Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии*. — М. [Arapov D.Ju. 1981. *Bukharskoe khanstvo v russkoj vostokovedcheskoj istoriografii*. — M.].

Бляхер Л.Е. 2008. Возможен ли постимперский проект: от взаимных претензий к общему будущему // *Полития*. № 1 [Blyakher L.E. 2008. *Vozmozhen li postimperskij proekt: ot vzaimnykh pretenziji k obshhemu budushhemu* // *Politeia*. № 1].

Бляхер Л.Е., Салимов Ф.Н. 2008. Таджикистан — проблемный узел Центральной Азии // *Полития*. № 2 [Blyakher L.E., Salimov F.N. 2008. *Tadzhikistan — problemnyj uzel Central'noj Azii* // *Politeia*. № 2].

Бушков В.И. 1991. Таджикский авлод тысячелетия спустя... // *Восток*. № 5 [Bushkov V.I. 1991. *Tadzhikskij avlod tysjacheletija spustja...* // *Vostok*. № 5].

Бушков В.И., Миккульский Д.В. 1995. «*Таджикская революция и гражданская война (1989—1994)*». — М. [Bushkov V.I., Mikul'sky D.V. 1995. «*Tadzhikskaja revoljucija i grazhdanskaja vojna (1989—1994)*». — M.].

Вишневецкий А. 1996. Средняя Азия: незавершенная модернизация // *Вестник Евразии*. № 2 [Vishnevsky A. 1996. *Srednjaja Azija: nezavershennaja modernizacija* // *Vestnik Evrazii*. № 2].

Гусарова Т.П. (ред.) 2011. *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время*. — М. [Gusarova T.P. (ed.) 2011. *Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja*. — M.].

Дятлов В.И. 2012. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле // Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.) *Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков.* — Иркутск [Djatlov V.I. 2012. Ehtnizacija gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sja v issledovatel'skom pole // Djatlov V.I., Grigorichev K.V. (ed.) *Pereselencheskie obshhestva Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshhestva. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov.* — Irkutsk].

Ивашенко Е. 2012. *Душанбе. Питерская архитектура Востока* [Ivashhenko E. 2012. Dushanbe. Pitereskaja arkhitektura Vostoka] (<http://ivashenko.today/>).

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма.* — М. [Kaspe S.I. 2007. Centry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. — M.].

Тилли Ч. 2009. *Принуждение, капитал и европейские государства: 990—1992 гг.* — М. [Tilly Ch. 2009. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990—1992 gg. — M.].

Федоров А.В. 1999. *Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя.* — М. [Fedorov A.V. 1999. Pravovojj status Kryma. Pravovojj status Sevastopolja. — M.].

Шарипов И.Ш. 1983. *Закономерности формирования социальных общественных отношений в Таджикистане.* — Душанбе [Sharipov I.Sh. 1983. Zakonomernosti formirovanija socialisticheskikh obshhestvennykh otnoshenij v Tadzhikestane. — Dushanbe].

Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций.* — М. [Eisenstadt Sh. 1999. Revoljucija i preobrazovanie obshhestv: Sravnitel'noe izuchenie civilizacii. — M.].

Woodworth B.D. 2006. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. № 2.